

понятія объ ученіи; я и не зналъ никакого и просто спросилъ себя: чтобы ты сдѣлалъ, если бы пожелалъ сообщить извѣстному ребенку полный запасъ тѣхъ знаній и умѣній, въ которыхъ онъ нуждается для того, чтобы благоустроеніемъ своихъ внѣшнихъ обстоятельствъ достигнуть внутренняго удовлетворенія и спокойствія?“ Эти слова Песталлоци почти безъ измѣненія высказаны гр. Толстымъ при постановкѣ вопросовъ „чему учить“ и „какъ учить“. Также точно и онъ началъ свою практическую дѣятельность безъ всякихъ предвзятыхъ теорій. У Песталлоци главнѣйшими предметами начальнаго обученія поставлены ариметика, отечественный языкъ и геометрія, у гр. Толстого тѣ же предметы кромѣ геометріи. Если бы мы прослѣдили по описанію Рамсауера (*Kurze Skizze meines pädagogischen Lebens*), ученика и послѣдователя Песталлоци, какъ самъ Песталлоци училъ въ своей школѣ, то пришли бы къ полному убѣжденію, что гр. Толстой есть только подражатель Песталлоци, какъ учителя. Заканчивая это сравненіе, замѣчу автору статьи о народномъ образованіи, что не всегда въ вопросахъ науки можно безнаказанно смѣяться надъ ея принципами и представителями. Можетъ случиться такъ, что посмѣешься надъ самимъ собою въ лицѣ другаго и въ основаніе своихъ изслѣдованій возьмешь именно работу того, надъ кѣмъ смѣялся и которая уже не можетъ безъ поправокъ быть принята за основаніе. Въ постановкѣ въ Россіи учебнаго дѣла встрѣчается много примѣровъ того, что мы на западѣ беремъ за образецъ, что тамъ давно уже брошено и замѣнено другимъ лучшимъ.

Третій — новѣйшій періодъ въ развитіи педагогики характеризуется тѣмъ, что принципы втораго періода приводятся въ тѣсную связь съ принципами перваго. Дѣятели этого періода дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ нѣмцы, каковы: Дистервегъ, Грубе, Любень, Керъ и другіе; можно указать и на француза Брауна (его сочиненіе: *Cours theorique et pratique de Pédagogie et de Méthodologie*), почти единственнаго представителя новѣйшаго направленія во французской школѣ, изъ русскихъ педагоговъ достаточно указать на одного Ушинскаго, какъ замѣчательнаго философа, психолога и педагога. Напрасно гр. Толстой въ своей статьѣ пускаетъ шпильки въ великое имя этого русскаго педагога. Антропологию Ушинскаго еще долго будутъ изучать педагоги, и надо желать только, чтобы они научились